
Логический плюрализм во Львовско-Варшавской школе*

© 2020 г. В.Л. Васюков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 101000, ул. Мясницкая, д. 20;

Институт философии РАН Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: vasyukov4@gmail.com

Поступила 29.11.2019

Когда выдающийся представитель Львовско-Варшавской школы Ян Лукасевич упрекал великие философские системы Платона или Аристотеля, Декарта или Спинозы, Канта или Гегеля в туманности, непонятности, нестрогости рассуждений и доказательств, ложности логических теорий, лежащих в глубине этих систем, его рецепт преодоления этих недостатков сводился к тому, что философию необходимо перестроить, начиная с оснований, вдохнуть в нее научный метод и подкрепить ее новой логикой. Однако ирония судьбы заключалась в том, что призыв Лукасевича оставил философов равнодушными, в то время как совершенно непредвиденным образом на него отреагировали логики. Они не стали перестраивать саму философию, но с целью подкрепления ее новой логикой начали разрабатывать неклассические логические системы, позволяющие оценивать логическое содержание философских теорий с новых позиций. Там, где раньше логики видели лишь паралогизмы и логические ошибки, теперь они стали видеть нестандартные логические рассуждения и доказательства, поскольку их позиция стала плюралистичной. Подобный логический плюрализм получил распространение во Львовско-Варшавской школе, представители которой (в том числе и сам Лукасевич) приложили немало усилий для его развития и укрепления. Статья посвящена анализу этого феномена логического плюрализма Львовско-Варшавской школы и выяснению его предпосылок и тенденций. Показано, что причиной логического плюрализма школы стала ее ориентация на логику и логические методы при решении сложных философских проблем, метод парафраз и осознание представителями школы невозможности в рамках классической логики преодолеть паралогизмы некоторых философских теорий.

Ключевые слова: неаристотелевская логика, плюрализм, аналитичность, инфинитизация, синкатегорематичность, метапарадигма, перефразирование, ничто, метафизичизм, паранепротиворечивость, металогика.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–204–214

Цитирование: *Васюков В.Л.* Логический плюрализм во Львовско-Варшавской школе // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 204–214.

* Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Logical Pluralism in Lvov-Warsaw School*

© 2020 Vladimir L. Vasyukov

*National Research University «Higher School of Economics»,
20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation;
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: vasyukov4@gmail.com

Received 29.11.2019

When Jan Łukasiewicz, eminent representative of the Lvov-Warsaw school, has re-proached the great philosophical systems of Plato or Aristotle, Descartes or Spinoza, Kant or Hegel with vagueness, incomprehensibility, inexactness of reasoning and proofs, erroneousness of logical theories underlying those systems then his receipt of overcoming these shortcomings was that philosophy must be reconstructed from its very foundations; it should take its inspiration from scientific method and be based on the new logic. However, the twist of fate was that Łukasiewicz's appeal left philosophers indifferent whereas the logicians responded in it in unexpected manner. They did not begin to reconstruct the philosophy itself but for the purpose of making it based on the new logic they start to elaborate non-classical logical systems allowing to evaluate the logical content of the philosophical theories with the new point of view. Where early logicians have seen just paralogisms and logical errors they now start instead discovering non-standard logical reasonings and proofs because their position became pluralistic. Such logical pluralism was disseminated in the Lvov-Warsaw school whose representatives (Łukasiewicz himself among them) exert themselves to develop and strengthen it. The paper deals with the analysis of that phenomenon of logical pluralism in the Lvov-Warsaw school and the ascertainment of its presuppositions and tendencies. It is shown that the reason of logical pluralism of the school became its orientation to logic and logical methods when solving the complex philosophical issues, the paraphrasing method and awareness by school representatives of an impossibility of overcoming paralogisms of some philosophical theories in the framework of classical logic.

Keywords: non-Aristotelean logic, pluralism, analyticity, infinitization, syncategorematicity, meta-paradigm, paraphrasing, nothingness, metaphysicism, para-consistency, metalogic.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-204-214

Citation: Vasyukov, Vladimir L. (2020) "Logical Pluralism in Lvov-Warsaw School", *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2020), pp. 204–214.

Если попытаться описать атмосферу, царившую во Львовско-Варшавской школе, то, например, о взаимоотношениях ее выдающихся представителей Ст. Лесьневского и Я. Лукасевича, лучше всего свидетельствует история о том, как на семинаре Лесьневского в течение целого семестра было прочитано полторы страницы статьи Лукасевича с критической интерпретацией каждого из предложений статьи. И это при том, что Лесьневский не принимал многозначных логик, разработанных Лукасевичем, но жалел, что не он их придумал [Hiż 1993, 61]. История Львовско-Варшавской школы показывает, что подобная позиция – это не привилегия отдельных ее представителей

* The study has been funded by the Russian Academic Excellence Project '5–100'.

(в данном случае Лесьневского), но скорее общая точка зрения, передающаяся от учителей к ученикам (в случае Лесьневского к А. Тарскому, А. Линденбауму, А. Пресбургеру, Б. Собоциньскому, Ст. Яськовскому и т.д.). Трудно представить себе, что все это было просто психологическим следствием воспитания и благожелательной атмосферы, царившей в польском научном сообществе того времени, сколь хороша она бы ни была.

В работе «Метапарадигма Львовско-Варшавской школы» [Васюков 2006] был сделан вывод, что анализ существования и функционирования парадигм в рамках школы показывает, что ни процедурные предписания Решера для аналитической теории, ни «идейное ядро» Воленьского, основанное на витгенштейновском семейном сходстве, не позволяют описать ни взаимодействие, ни конфронтации отдельных «частных» парадигм в рамках общей метапарадигмы. Понятие метапарадигмы Львовско-Варшавской школы, по-видимому, требует более детального исследования эпистемического и социального аспектов этой метапарадигмы, а также описания и анализа истории ее функционирования, причем последняя должна рассматриваться под углом динамики взаимодействия отдельных парадигм, существовавших в школе, или лишь возможных, но не реализовавшихся по тем или иным причинам.

Среди этих парадигм можно выделить и парадигму логического плюрализма, характерного для логических исследований представителей школы. Даже в работе Я. Воленьского [Воленьский 2004], отнюдь не рассматривавшего под подобным углом зрения деятельность школы, мы обнаруживаем наряду с анализом исследований по классической логике анализ большого корпуса исследований по неклассической логике – модальной, интуиционистской, многозначной, дискурсивной и т.д.

Откуда же берет начало парадигма «неклассичности» логики во Львовско-Варшавской школе? При попытке ответить на этот вопрос сталкиваешься с двумя обстоятельствами. Во-первых, следует учитывать, что хотя логики школы и были первооткрывателями некоторых систем неклассической логики (например, Лукасевич – многозначной логики, Яськовский – дискурсивной), но многие системы были открыты независимо представителями других школ и направлений в логике. Поэтому ряд исследований представителей Львовско-Варшавской школы мог быть инспирирован просто интересом к вездущим в то время разработкам этих неклассических систем, стремлением учесть и адаптировать методы и результаты, полученные в этих направлениях.

В то же время ряд особенностей философствования во Львовско-Варшавской школе свидетельствует о тенденции использования нового современного логического языка для решения философских вопросов, а это обстоятельство способно было сыграть немаловажную роль в становлении парадигмы логического «плюрализма». Трудно ожидать чего-то нового, просто перевода формулировки проблем на язык старой (традиционной) логики, скорее логический анализ на основе новых методов способен подсказать направление дальнейшей разработки философской теории.

Наличие во Львовско-Варшавской школе подобной тенденции кажется на первый взгляд слишком проблематичным. В отличие от своих наиболее знаменитых учеников основатель Львовско-Варшавской школы К. Твардовский не был логиком, хотя ему и приходилось в 20-х гг. читать лекции по логике. Но то были вполне традиционные лекции по традиционной логике. Как пишет Я. Воленьский, «он был не против ‘новой логики’ как науки, но предостерегал от некоторых установок, которые, по его убеждению, могли быть генетически связаны с символической логикой» [Там же, 54].

Однако критика Твардовским метафизики и так называемого «метафизичизма» (тяготения к конструкциям, не имеющим должного фактического обоснования), приведшая его к требованию строгого анализа исследуемых проблем и сказавшаяся в его подчеркивании общего достоинства аналитического метода, в значительной степени способствовала тому, что ориентация на логику и ее методы при решении сложных проблем как идеал аналитичности исследования явно или неявно просматривается в его работах. И эти его уроки были хорошо усвоены его учениками, внесшими значительный вклад в современную неклассическую логику.

Эволюция логических методов решения философских проблем

Хорошей иллюстрацией к сказанному может послужить анализ слова «ничто», предпринятый Твардовским в его работе «К учению о содержании и предмете представления» [Твардовский 1997]. В разделе «О так называемых ‘беспредметных’ представлениях» Твардовский пишет: «Что касается представления, обозначенного названием ‘ничто’, то здесь, как нам кажется, мы имеем дело с заблуждением, которое, передаваясь из века в век, проходит сквозь все логические и диалектические исследования. Немало [философов] размышляло о μη ον, *non-ens* и *nihil*, полагая, что необходимо выделять различные виды ‘ничто’; и еще Кант составил обзор четырех видов ничто. Среди них находится также и ‘ничто как пустое понятие без предмета’» [Там же, 58].

Твардовский задает вопрос – является ли слово «ничто» категорематическим¹ выражением? Можно ли обозначить посредством этого слова какое-либо представление, подобно тому, как это делается словами «отец», «суждение», «листва»? Значение *nihil* обычно отождествляют со значением *non-ens*, и считают, что «ничто» попросту заменяет выражение «не-сущее». Но тогда возникает вопрос о том, каково же собственно значение выражения «не-сущее».

Что происходит, когда мы соединяем категорематические выражения с «не» (*non*)? По мнению схоластов, которые называли эту операцию *инфинитизацией*, в этом случае мы не получаем нового выражения с совершенно определенным значением. Вместо этого происходит дихотомическое разделение представления, причем разделению подвергается вышестоящее понятие (так, «не-греки» не означает деление греков на греков и других, но разделению подвергается вышестоящее понятие «люди» – именно они делятся на греков и других, к ним не относящихся). Однако это справедливо лишь при условии, что вышестоящее представление существует (когда пара, составленная из имени и результата инфинитизации, имеет более общий род). Но ведь могут возникнуть случаи, когда вышестоящего представления можно и не обнаружить.

Выходом является признание того факта, что слово «ничто» в действительности является синкатегорематическим выражением, будучи составной частью отрицательного предложения. Выражение «ничто не является вечным» означает просто «нет чего-то такого, что было бы вечным», «я ничего не чувствую» означает «нет чего-то такого, что я бы чувствовал» и т.д. Таким образом, заключает Твардовский, выражение «ничто» не имеет в качестве своего значения вообще ни одного представления. Уже Авиценна обратил внимание на это обстоятельство и счел недопустимым такие инфинитизации, как *non-res*, *non-aliquid*, *non-ens*.

Хотя весь этот анализ был проведен Твардовским лишь для построения его теории объектов, мы сталкиваемся здесь с примером аналитической процедуры, впоследствии часто проводимой его учениками. И сущностью этой процедуры, суммирует Воленьский [Воленьский 2004, 59], является перевод философских вопросов на язык логики.

Желательность и даже просто необходимость осуществления подобной аналитической процедуры ученик Твардовского Я. Лукасевич обосновывает следующим образом: «Кто... был философом, а потом стал логистиком и познал точнейшие методы рассуждения, которыми мы сегодня располагаем... знает, чего стоит прежняя философская спекуляция. И знает, чего может стоить рассуждение, проведенное, как это обычно бывает, с использованием неточных, многозначных слов естественного языка, а не основанное ни на опыте, ни на точных рамках символического языка» [Лукасевич 1999, 209–210].

Однако философское исследование порой расшатывает и точные рамки символического языка и таит в себе опасность для этого символического языка, не всегда предвиденную исследователем. Нечто подобное произошло с самим Лукасевичем при написании его знаменитой книги «О принципе противоречия у Аристотеля» [Łukasiewicz 1910], вышедшей в 1910 г. и вызвавшей оживленную полемику в Польше.

Проведенное Лукасевичем исследование привело его к ощущению недостаточности анализа на языке традиционной аристотелевской логики. И уже в 1910 г. Лукасевич

приходит к выводу о необходимости и существовании неаристотелевской логики, гораздо более пригодной для проведения аналитической процедуры по Твардовскому, хотя в тексте самой книги мы не находим следов какой-либо попытки реализации этой идеи.

Призыв Лукасевича был услышан: в 1912–1913 гг. выходят статьи Т. Котарбиньского и Ст. Лесьневского, посвященные пересмотру логических принципов. Лесьневский здесь ставит под сомнение закон исключенного третьего [Leśniewski 1913], покушаясь на классическую логику. То же самое делает и Котарбиньский, допуская существование неопределенных предложений, которые в настоящий момент являются ни истинными, ни ложными (например, предложение «завтра пойдет дождь») [Kotarbiński 1913]. Их истинность неизменна, но зависит от времени свершения – она вечна, но не извечна (то есть неизменна навсегда, но только обязательно с некоторого момента свершения, который мы можем указать).

Полемизируя с Котарбиньским, Лесьневский пишет статью «Истина лишь вечна или же вечна и извечна?», в которой ставит под сомнение введение неопределенных предложений, связанных с временным фактором. Он пишет: «Я показал, как мне кажется, что Котарбиньский никоим образом не доказал в своей статье, что я *не могу* не делать что-то в будущем, если суждение о том, что я сделаю, не будет истинным уже сейчас. А если так, то ему также не удалось доказать, что из того факта, что вся истина извечна, следует невозможность и тщетность чьей-то попытки совершить какой угодно 'свободный поступок', что должно было продемонстрировать его утверждение...» [Leśniewski 1913a, 528]. Но, заметим, Лесьневский здесь выступил лишь против отказа Котарбиньского от двузначности высказываний, а не против критики принципа исключенного третьего, поскольку сам отказался от этого принципа. Как пишет Я. Воленский, «эта дискуссия была настолько известна во Львовской философской среде, что о ней упоминал Твардовский в своих лекциях по этике в 1913–14 учебном году, склоняясь в конечном счете к позиции Лесьневского» [Воленский 2004, 145].

Вся эта критика носила негативный характер, поскольку речь шла лишь о дефектах классической логики, но никакой альтернативы, свободной от этих недостатков, ни один из участников дискуссии не мог в тот период предложить. Первые наброски появились в «Прощальной лекции» Лукасевича, произнесенной им в зале Варшавского университета 7 марта 1918 г. Лукасевич, в частности, сказал: «В 1910 году я опубликовал книгу о принципах противоречия у Аристотеля... Я доказывал, что кроме истинных и ложных предложений существуют возможные предложения, которым соответствует объективная возможность как нечто третье наряду с бытием и небытием. Так возникла система трехзначной логики, которую я подробно разработал прошлым летом» [Лукасевич 2006, 257–258].

Первое применение в философском анализе система трехзначной логики Лукасевича получила в его известной статье о детерминизме, где он связывает решение проблемы детерминизма и индетерминизма с использованием трехзначной логики [Łukasiewicz 1961]. И если вспомнить его лозунг об анализе, «основанном на опыте, на точных рамках символического языка», то ясно, что Лукасевич здесь выполнил, по сути дела, продекларированную им программу использования логики для анализа философских проблем, однако настолько сильную смену языка навряд ли предвидел его учитель К. Твардовский.

Однако в данном случае полученные результаты в области неклассических логик уже не были стимулированы непосредственно философскими проблемами, а скорее являлись чисто логическими результатами, авторы которых следовали лозунгу «Логика для логиков!», особенно популярному в Варшавской логической школе. С этой же позиции на первый взгляд можно расценивать и исследования по интуиционистской логике, проводившиеся во Львовско-Варшавской школе. Первым к ней обратился Яськовский [Jaśkowski 1936], позднее были опубликованы работы Вайсберга, Тарского и Лукасевича. З. Завирский, например, во многих своих работах пишет о применимости интуиционистской логики к исследованию понятия времени.

Отдельное место занимает работа Яськовского [Jaśkowski 1948], посвященная дискурсивной логике. По сути дела, она также посвящена критике закона исключенного третьего, но, как и Лукасевич, Яськовский не просто критикует этот закон, но строит новую логическую систему, терпимую к противоречию и позволяющую по-новому анализировать противоречивые философские контексты. Эта система оказалась практически первой современной системой паранепротиворечивой логики, за исключением паранепротиворечивой силлогистики Н.А. Васильева, построенной тридцатью годами ранее.

Пересмотр истории логики и исторические границы логического плюрализма

Говоря о классической и неклассической логике в случае Львовско-Варшавской школы, следует принять во внимание, что классическая логика в понимании представителей школы – это не аристотелевская силлогистика, но пропозициональная логика, восходящая к стоикам. Логический плюрализм в этом случае – это плюрализм современной логики, противостоящий монизму традиционной логики. В значительной степени подобному положению дел современная логика обязана Лукасевичу, выяснившему, что наряду с силлогистикой в античные времена существовала и пропозициональная логика.

Исследования Лукасевича по истории логики можно рассматривать как реализацию целой отдельной исследовательской программы. Существование исследовательских программ подобного рода во Львовско-Варшавской школе отмечалось многими исследователями, не говоря уже о попытке Комендзиньского вообще представить всю деятельность школы как реализацию исследовательской программы [Komendziński 1986]. Я. Зигмунт здесь выделяет в логических исследованиях школы следующие программы:

- программа Лукасевича исследования пропозициональных исчислений;
- программа Лукасевича исследования истории логики;
- программа Лесьневского оснований математики;
- программа Тарского семантики и метаматематики [Zygmunt 1996].

Целью программы исследований истории логики, возникшей в начале 20-х гг., по мнению Я. Зигмунта, был экзегезис и реконструкция античной и средневековой логики с использованием методов и понятий современной (тогда еще только зарождающейся) математической логики. Вехами в реализации этой программы можно считать публикации Лукасевича 1929 [Łukasiewicz 1929], 1939 [Łukasiewicz 1939] и 1951 [Łukasiewicz 1951] годов, посвященные силлогистике Аристотеля, и публикацию 1934 г., посвященную логике стоиков [Łukasiewicz 1934]. Полученные Лукасевичем аксиоматические формулировки силлогистики не только продемонстрировали возможность нетрадиционного взгляда на силлогистику, но и открыли дорогу к построению неаристотелевских систем силлогистики, эксплицирующих возникавшие в трудах различных философов подходы к пониманию и преодолению трудностей силлогистики Аристотеля. Впоследствии исследования и разработки подобных систем были предприняты Е. Слупецким, Б. Иванусем, Е. Брылем и др.

Исследования Лукасевича вызвали волну разработок представителей Львовско-Варшавской школы, посвященных пересмотру достижений античной и средневековой логики, вышедшую за пределы Польши. З. Иордан написал монографию о возникновении аксиоматического метода у Платона [Jordan 1937], Т. Чезовский исследовал модальную логику Аристотеля [Czeżowski 1936], А. Корцик рассмотрел теорию конверсии категорических высказываний у Аристотеля [Korcik 1937]. Представители так называемого Краковского кружка Львовско-Варшавской школы подвергли анализу средневековую логику, в частности Я. Саламуха исследовал логические антиномии [Salamucha 1937], в то время как Ю. Бохеньский написал историю модальных высказываний в античное и средневековое время [Bocheński 1938].

Реализация исследовательской программы Лукасевича раздвинула исторические границы возникновения логического плюрализма, показав, что уже в античные и средневековые времена встречались исследования, выходящие при анализе чисто логических проблем (таких как проблема формы высказываний, правильности рассуждений, интерсубъективности доказательств) за рамки традиционной логики и следовавших неаристотелевской традиции. Возникший в рамках Львовско-Варшавской школы логический плюрализм появился не на голом месте, но вследствие сложившейся в логике неклассической традиции, осознание которой оказалось возможной лишь на рубеже XIX–XX вв., когда был преодолен упадок логики Нового времени, насквозь зараженной, по мнению Лукасевича, психологией и теорией познания, не говоря уже о ее размывании и профанации в пустых философских спекуляциях [Łukasiewicz 1934].

Метод парафраз и логическая корректность философских решений

В отличие от Лукасевича, считавшего, что логика не только дает образец научного метода, но и является множеством альтернативных онтологических гипотез, для Айдукевича логические утверждения в первую очередь выступают как схемы возможных парафраз, позволяющих проверить корректность как старых, так и современных философских теорий. Я. Воленьский, рассматривая результаты Айдукевича в этом направлении, реконструирует следующие стадии подобного метода перефразирования [Воленьский 2004, 79]:

- (1) формулировка рассматриваемой проблемы;
- (2) выбор соответствующего логического утверждения;
- (3) установление корреляции между некоторыми выражениями из (1) и выражениями из утверждения, выбранного на стадии (2);
- (4) конструирование парафразы, то есть предложения со структурой, изоморфной выбранному логическому утверждению;
- (5) обоснование парафразы;
- (6) выведение следствий из парафразы;
- (7) оценка следствий с точки зрения исследуемой философской проблемы.

Стадию (2) можно было бы оценивать как перевод с обычного естественного языка, которым пользуются создатели философских теорий, на формальный язык логики, в то время как конструирование парафразы на стадии (4) как «обратный» перевод (но скорее на научный язык). При этом Айдукевич указывает, что второй перевод необходим ввиду того, что первый перевод не дает полной гарантии адекватности, и поэтому даже следствия, полученные путем допустимых подстановок из соответствующих логических утверждений, могут оказаться непригодными для решения поставленной проблемы.

Необходимость в парафразах возникает, по мнению Айдукевича, ввиду того, что «имеется существенная потребность в построении системы таких предложений, поскольку только они будут представлять собой логику повседневного языка» [Ajdukiewicz 1985, 214]. В современной же ему логике Айдукевич не находит обоснования подобной системы. Если бы подобная логическая система была доступна, то пункт (4), по сути дела, сводился бы к переводу утверждений, сформулированных в языке классической логики, на язык логики естественного языка. Но поскольку на тот момент речи об этом не шло, то Айдукевич видит выход либо в семантическом анализе выражений обыденного языка как аналитических предложений (может быть, с помощью феноменологического метода), либо в формулировке ряда выражений-постулатов, семантика которых задается некоторым определенным методом. При этом следует учесть, что может оказаться так, что с этими конкретными значениями исходные философские проблемы уже не коррелируют.

Метод парафраз получил неожиданное продолжение в виде логической герменевтики Б. Вольневича [Wolniewicz 1999]. Вольневич указывает, что часто под герменевтикой просто понимается угадывание того, что автор имел в виду и стремился передать

читателю. Однако, как считает Вольневич, в случае философских текстов существует другой метод интерпретации – логический. В этом случае задачей является «выявление логической структуры философской системы, которая представлена конкретным рассматриваемым текстом» [Wolniewicz 1999, 254]. Отсюда Вольневич определяет логическую герменевтику как множество правил и критериев, совокупность которых управляет логической интерпретацией философских систем.

Если сравнить между собой метод парафраз и метод логической интерпретации, то бросается в глаза их явное подобие. По сути дела, метод Вольневича сводится к использованию пунктов (1)–(3) метода парафраз, но вместо обратного перевода на естественный язык и получения следствий в его рамках Вольневич предлагает получать следствия в рамках некоторой логической теории (элиминируя пункты (4)–(6), точнее, осуществляя их в рамках формального языка) и лишь результаты этих процедур перевести на естественный язык философской системы. Возникающая здесь неясность связана с употреблением Вольневичем термина «логическая теория», чей классический или неклассический статус не совсем ясен. А. Стемпник в этой связи указывает на негативные последствия использования классической логики в логической герменевтике и предлагает заменить классическое отношение следования в используемых логических теориях на немонотонное и паранепротиворечивое [Stępnik 2005, 56–74]. Мотивировкой для подобной замены может служить то обстоятельство, что, как пишут Г. Прист и Р. Раутли, «противоречивые, но предположительно нетривиальные теории в изобилии представлены в интеллектуальных усилиях [человечества]. Несомненно, что значительная часть интеллектуальной истории состоит из подобных теорий. Это, в частности, относится к нашему философскому наследию» [Priest, Routley 1989, 485].

Е.Н. Шульга пишет, что если использовать паранепротиворечивые логические системы, например паранепротиворечивую дискурсивную логику С. Яськовского, для целей логической герменевтики, то «проблема противоречивости логической интерпретации философской теории в значительной степени теряет свою остроту, если интерпретировать философские теории как элементарные теории, основанные на дискурсивной логике С. Яськовского». Более того, «вся техника логической герменевтики, описанная Б. Вольневичем, сохраняется с соответствующими модификациями, вызванными особенностями логики С. Яськовского» [Шульга 2002, 136].

Нейтралитет Тарского

Вернемся к пункту (2) реконструкции метода парафраз Айдукевича. У Воленского он полностью выглядит следующим образом:

- (1) выбор соответствующего логического утверждения – логика в этом случае понимается настолько широко, что охватывает также и металогику.

Однако включение в рассмотрение металогики заставляет вспомнить споры по поводу того, является ли металогика, о которой говорил А. Тарский в своей теории истины, классической логикой. Дебаты по этому поводу продолжаются и в наши дни. Так, Г. Прист в книге «Сомнительная истина быть лжецом» пишет: «Порой говорят, что теория Тарского должна быть основана на классической логике: эта логика требуется для реализации данной конструкции. Подобное утверждение является попросту ложным. Она может осуществляться и в интуиционистской логике, паранепротиворечивой логике, и фактически в любой логике» [Priest 2006, 45–46].

Сам Тарский в работе «Понятие истины в языках дедуктивных наук» пишет, что для того, чтобы придать своему изложению достаточно общую форму, достаточно «выбрать в качестве предмета исследования язык какой-нибудь полной системы математической логики. Ибо такой язык может считаться ‘универсальным’ в том смысле, что все иные формализованные языки – абстрагируясь от их особенностей ‘каллиграфического’ свойства – либо являются его фрагментами, либо могут быть получены из соответствующих фрагментов этого языка...» [Тарский 1999, 82]. Можно понимать это высказывание Тарского, с одной стороны, как указание на то, что он выбирает

язык классической логики в силу его общности, а с другой стороны, как признание возможности выбора формализованных языков других логических систем в качестве предмета исследования.

Действительно, далее он пишет, что не решился на конкретизацию исследований в подобном направлении по той причине, что ему незнакомы системы математической логики, чья формализация в отличие от формализации, данной Уайтхедом и Расселом в «Principia Mathematica», не вызывает никаких возражений. Кроме нее он знает лишь одну систему, безупречную с точки зрения точности, – это система, построенная Ст. Лесьневским. К сожалению, она полностью в то время не была еще опубликована и ее специфические особенности делают ее, по мнению Тарского, весьма неблагоприятным объектом для металогических и семантических исследований [Тарский 1999, 83]. При этом система Лесьневского не является системой классической логики в точном смысле этого слова. Она включает классическую логику, но представляет собой более широкую систему, поскольку в ней имеют место теоремы, недоказуемые в рамках стандартной классической логики. Является ли она ввиду этих особенностей системой неклассической логики – вопрос спорный и требующий обширного исследования. Во всяком случае, позиция Тарского настолько нейтральна, что допускает и такое истолкование.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что причиной возникновения логического плюрализма во Львовско-Варшавской школе, по-видимому, была тенденция использования логического языка для решения философских вопросов. Подобные исследования порой расшатывают структуру первоначального логического языка, побуждая исследователя в погоне за мыслью философа выйти за пределы используемой логической системы и сформулировать новую, отвечающую запросам философских построений. Ориентация на логику и ее методы при решении сложных философских проблем как идеал аналитичности исследования, метод парафраза и констатации представителями школы невозможности в рамках классической логики преодолеть паралогизмы некоторых философских теорий – все это способствовало становлению и распространению парадигмы неклассичности и логическому плюрализму во Львовско-Варшавской школе.

Примечание

¹ Разделение на категорематические и синкатегорематические выражения восходит к Средневековью. Во времена Твардовского различие категорематических и синкатегорематических знаков мы находим у ученика Ф. Brentano – А. Марти. Согласно Марти, категорематические знаки – это все средства языкового выражения, а синкатегорематические – созначающие знаки, «которые имеют значение только вместе с другими частями речи» [Marty 1895, 293].

Ссылки – References in Russian

Васюков 2006 – *Васюков В.Л.* Метaparадигма Львовско-Варшавской школы // Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской школы / В.Л. Васюков (ред.). Вып. 1. СПб.: Мир, 2006. С. 11–40.

Воленский 2004 – *Воленский Я.* Львовско-Варшавская философская школа. М.: Наука, 2004.

Лукаевич 1999 – *Лукаевич Я.* Логистика и философия // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 198–218.

Лукаевич 2006 – *Лукаевич Я.* Прощальная лекция // Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской школы / В.Л. Васюков (ред.). Вып. 1. СПб.: Мир, 2006. С. 255–258.

Тарский 1999 – *Тарский А.* Понятие истины в языках дедуктивных наук // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М.: РОССПЭН, 1999.

Твардовский 1997 – *Твардовский К.* Логико-философские и психологические исследования. М.: РОССПЭН, 1997.

Шульга 2002 – *Шульга Е.Н.* Когнитивная герменевтика. М.: ИФРАН, 2002.

References

- Ajdukiewicz, Kazimierz (1985) "O stosowności czystej logiki do zagadnień filozoficznych", *Język i poznanie*, T. 1, PWN, Warszawa, s. 214.
- Bocheński, Józef (1938) *Z historii zdań modalnych*, Wydawnictwo OO. Dominikanów, Lwów, 1938.
- Czeżowski, Tadeusz (1936) "Arystotelesowa teoria zdań modalnych", *Przegląd Filozoficzny* 39, № 3 (1936), s. 232–241.
- Hiż, Henryk (1993) "Uwagi o Leśniewskim", *Ruch Filozoficzny*, t. L, No. 1 (1993), s. 60–64.
- Jaśkowski, Stanisław (1936) "Recherches sur le système de la logique intuitionniste", *Actes du Congrès International de Philosophie Scientifique*, Vol. VI (1936), Paris, pp. 58–61.
- Jaśkowski, Stanisław (1948) "Rachunek zdań dla systemów dedukcyjnych sprzecznych", *Studia Soc. Sci. Torunensis*, Sectio A, Vol. I, No. 5 (1948), s. 57–77.
- Jordan, Zbigniew (1937) *O matematycznych podstawach systemu Platona. Z historii racjonalizmu*, Nakładem Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, Poznań, 1937.
- Komendziński, Tadeusz (1986) "Tadeusza Czeżowskiego koncepcja semiotycznej jedności nauki", *Zagadnienia Naukoznawstwa* 2 (1986), s. 339–351.
- Korcik, Antoni (1937) *Teoria konwersji zdań kategorycznych asertorycznych u Arystotelesa w świetle teorii dedukcji*, Wilno, 1937.
- Kotarbiński, Tadeusz (1913) "Zagadnienie istnienia przyszłości", *Przegląd Filozoficzny*, r. XVI, z. 1 (1913), s. 74–92.
- Leśniewski, Stanisław (1913) "Krytyka logicznej zasady wyłączonego środka", *Przegląd Filozoficzny*, r. XVI, z. 2–3 (1913), s. 315–322.
- Leśniewski, Stanisław (1913a) "Czy prawda jest tylko wieczna czy też wieczna i odwieczna?", *Nowe Tory*, r. XVIII, z. 10 (1913), s. 493–528.
- Łukasiewicz, Jan (1910) *O zasadzie sprzeczności u Arystotelesa*. Kraków, 1910.
- Łukasiewicz, Jan (1918) "[O walce duchowej.] Treść wykładu pożegnalnego wygłoszonego w auli Uniwersytetu Warszawskiego 7 marca 1918 r.", *Pro arte et studio*, r. III (1918), z. 11, s. 3–4 (Russian Translation).
- Łukasiewicz, Jan (1929) *Elementy logiki matematycznej*, Nakładem Komisji Wydawniczej Koła Matematyczno-Fizycznego Sluchaczy Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa.
- Łukasiewicz, Jan (1934) "Z historii logiki zdań", *Przegląd Filozoficzny* 37 (1934), s. 417–437.
- Łukasiewicz, Jan (1939) "O sylogistyce Arystotelesa", *Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności* 44 (1939), s. 220–227.
- Łukasiewicz, Jan (1951) *Aristotle's Syllogistic from the Standpoint of Modern Formal Logic*, Clarendon Press, Oxford.
- Łukasiewicz, Jan (1961) *Z zagadnień logiki i filozofii*. Pisma wybrane. Warszawa, PWN, s. 195–209 (Russian Translation).
- Marty, Anton (1895) "Über subjektlose Satze und das Verhältnis der Grammatik zur Logik und Psychologie", *Vierteljahreschrift für wissenschaftliche Philosophie*, Bd. 8, 19: 19–87 (1895), s. 263–334.
- Priest, Graham (2006) *Doubt Truth to be a Liar*, Clarendon Press, Oxford.
- Priest, Graham; Routley Richard (1989) "The Philosophical Significance and Inevitability of Paraconsistency", *Paraconsistent Logic. Essays on the Inconsistent*, G. Priest, R. Routley, J. Norman (eds.), Philosophia Verlag, München, pp. 483–539.
- Salamucha, Jan (1937) "Pojawienie się zagadnień antynomicznych na gruncie logiki średniowiecznej", *Przegląd Filozoficzny* 40, No. 1, s. 68–89 oraz No. 3 (1937), s. 320–343.
- Shulga, Elena (2002) *Cognitive Hermeneutics*, IPh RAS, Moscow (in Russian).
- Stępnik, Andrzej (2005) "A Contribution to Logical Hermeneutics", *Edukacja Filozoficzna*, No. 39 (2005), s. 56–74.
- Tarski, Alfred (1995) *Pisma logiczno-filozoficzne*. T. 1. Prawda. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa, 1995, s. 3–172 (Russian Translation).
- Twardowski, Kazimierz (1894) *Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen*, Alfred Holder, Wien, 1894 (Russian Translation).
- Vasyukov, Vladimir L. (2006) "A Metaparadigm of the Lvov-Warsaw School", *Investigations of the Analytic Legacy of the Lvov-Warsaw School*, Vasyukov, Vladimir (ed.), Issue 1, Mir, Spb., pp. 11–40 (in Russian).
- Woleński, Jan (1985) *Filozoficzna Szkoła Lwowsko-Warszawska*, PAN, Warszawa (Russian Translation).
- Wolniewicz, Bogusław (1999) *Logic and Metaphysics. Studies in Wittgenstein's Ontology of Facts*, Znak – Język – Rzeczywistość, Warszawa.
- Zygmunt, Jan (1996) *Programy badawcze w dziedzinie logiki formalnej*. Manuscript, lipiec, 1996.

Сведения об авторе

ВАСЮКОВ Владимир Леонидович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», заведующий кафедрой истории и философии науки, Институт философии РАН.

Author's Information

VASYUKOV, Vladivir L. – DSc in Philosophy, Leading Researcher of the International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy (LLFP), National Research University «Higher School of Economics», Head of the Chair of History and Philosophy of Sciences, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.